

Ветеран не имеет своего жилья, несмотря на обещания чиновников

ТАМАРА ТИТОВА, РЕБЕНКОМ ИСПЫТАВШАЯ ВСЕ УЖАСЫ БЛОКАДЫ, ДО СИХ ПОР ЮТИТСЯ В КВАРТИРЕ ДОЧЕРИ

Торжественно отметили очередную годовщину Великой Победы. Праздничные церемонии прошли на нескольких площадках. Были слова благодарности, георгиевские ленточки, ветеранские вечера, гречневая каша с тушенкой у походных солдатских кухонь. Но некоторым нашим ветеранам праздник не принес радости. Они не получили обещанного отдельного жилья. Один из таких ветеранов — Тамара Яковлевна Титова, обратившаяся за помощью в «Общественную приемную Балтийской медиа-группы». Тамара Яковлевна, инвалид 1-й группы, в блокаду работавшая в «детском цехе» завода имени Морозова, а в мирное время отработавшая 53 года учителем, очень рассчитывала, что уж к 9 Мая у нее с мужем точно будет ордер на отдельную благоустроенную двухкомнатную квартиру. Но такого подарка Тамара Титова, награжденная медалями «За оборону Ленинграда» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», не получила.

ЭТО СТРАШНОЕ СЛОВО БЛОКАДА

— Когда началась война, мне было девять лет, я в 1932 году родилась. И жили мы на втором этаже деревянного дома по Фермскому шоссе. У нас была многодетная семья — восемь детей! Три брата и пять сестер. Старшие братья ушли на фронт. Остались пять сестер (я — средняя) и маленький братик Юрочка, родившийся в 1941 году, — рассказывает Тамара Яковлевна.

Жили голодно. Собирали крапиву, лебеду, остатки подгнившей картошки, плавающей в заливных водой рвах на колхозных полях. Отец Яков Петрович и мать Матрена Ивановна отрывали хлеб от себя, старались незаметно подложить крошку-другую в порции детям.

— Первым умер папа, 19 февраля 1942 года. Утром встал, прошелся по комнате и рухнул. Я в ужасе закричала: «Папа умер, папа умер!» Мамочка сама зашила папу в простыню, сказала нам с сестрами, чтобы свезли подалее в парк и зарыли снегом (так тогда люди делали). Мы довели на саночках папу до парка. Но парк уже охранялся, и нам сказали: «Девочки, везите в морг больницы имени Скворцова-Степанова». Мы повезли, — рассказывает Тамара Яковлевна. — Запомнилось, что в больничном дворе была буквально гора покойников, на многих — следы зеленки, словно зеленкой их раскрасили. Нам говорят: «Бросьте как есть в общую кучу, только записку прикрепите, кто он». Мы так и не узнали, где папу похоронили, и в мирное время стали ходить на Серафимовское кладбище. Но моей старшей сестре Зинаиде как-то приснился папа, и он сказал: «Девочки, не туда ходите, я лежу на Пискаревском, вместе с моряками, на мне даже надета бескозырка».

Очень похоже: тогда возили на Пискаревское. И мы стали ходить и на Пискаревское, и на Серафимовское кладбище. А мамочка умерла в июле 1942 года. И еще помню, как незадолго до ее смерти нам незнакомый офицер отдал почти нетронутый котелок с кашей. И мы эту кашу бережно донесли до дома, ни капли не попробовав. Донесли до нашей мамочки, которая уже и не вставала. К сожалению, чуда не произошло и котелок с кашей ее не спас.

От дома на Фермском шоссе война не оставила ни следа. Как вспоминает Тамара Яковлевна, однажды они вернулись домой, а дома нет вообще. Снаряд попал — и

Тамара Яковлевна с мужем много лет мечтают об отдельном жилье.

на месте дома только воронка. Даже щепок не разметало вокруг. Осиротевших детей спасли зенитчики, поселив в одну из своих землянок. Причем кормили из солдатских котелков, и всегда сначала детей. А те, в благодарность, собирали для солдат в лесу ягоды.

— Старшая сестра Зинаида пошла работать на завод имени Морозова, и еще трех сестер — меня, Любу, Нину — с собой взяла. Старшим оформили трудовые книжки, а шестнадцатилетняя Люба стала даже бригадиром 10-го, «детского цеха». Мне трудовую книжку выписать не могли, поскольку их выписывали с 14-летнего возраста. А мне только 10 лет было. Но на свидетельстве о рождении сделали отметку, что я принята на работу разнорабочей (а более старшие девочки уже у станка стояли). Я делала коробки под патроны, убирала цех. А потом меня перевели на подсобное хозяйство завода, так что я работала на прополке, — вспоминает Тамара Яковлевна.

Затем Тамару Яковлевну отправили во Всеволожский детский дом, там как раз собирали сирот, чтобы отправить их по Ладоге на Большую землю. Причем директор детского дома сказала десятилетней Тамаре: «Девочка, ты уже большая и все понимаешь. Поедешь вместе с маленькими детьми, будешь помогать воспитательнице». Вместе с Тамарой поехали ее четырехлетняя сестренка Зоя и братик Юра, которому всего-то от роду было полтора года.

Но путь на катерах через Ладогу оказался смертельно опасным. Начался обстрел. Фашистские летчики топили катера, на которых везли детей. Тамара Яковлевна

рассказывает, как буквально на ее глазах разбомбили два катера. Один — с детской одеждой, второй — с младшими детишками, среди которых был брат Тамары Яковлевны — Юра. Сестры боролись за его жизнь в блокадном городе, но брату суждено было утонуть в водах Ладоги, когда Большая земля была рядом.

— Когда налетели фашистские самолеты и стали бомбить, мы от страха забрались под лавки на катере. Думали, что таким образом спасемся, что нас не видно будет, — вздыхает Тамара Яковлевна.

На Большой земле детей привели в церковь переночевать. Но там было столько людей, лежавших вповалку, что прикорнуть было негде. Тогда группы ленинградских детей взяла к себе в дом какая-то женщина. А на утро спасенных детей повели к большим столам, накрытым прямо на улице. Тамаре Яковлевне, только вырвавшейся из голодающего Ленинграда, столы показались огромными и полными всякой снеди. Воспитатели предупреждали, чтобы дети не ели очень много, что иначе будет плохо, чтобы лучше еду взяли с собой.

Дальше в судьбе Тамары Яковлевны была эвакуация, детский дом, где, по ее словам, «воспитатели были золотыми», возвращение в освобожденный Ленинград. В дальнейшем она окончила Третье педагогическое училище и ее направили в Педагогический институт имени Герцена. Тамара Яковлевна работала педагогом 53 года, награждена медалью «Ветеран труда».

КВАРТИРУ ВЕТЕРАНУ НЕ ПОЛУЧИТЬ

Тамара Яковлевна сейчас живет в квартире дочери на Школьной улице. До этого жила в комнате коммунальной квартиры на Кондратьевском проспекте. Но тот дом был признан аварийным, и жильцов стали расселять. Тамаре Яковлевне предложили комнату, она отказалась.

Ключи от новой квартиры Тамара Яковлевна не получила до сих пор. Зато у нее накопилось много ответов от чиновников. В них сказано, что она состоит на учете в качестве нуждающейся в содействии Санкт-Петербурга в улучшении жилищных условий и что ей обязаны оказать содействие — в соответствии с Указом президента РФ от 7 мая 2008 №714 «Об обеспечении жильем ветеранов Великой Отечественной войны 1941 — 1945 годов».

— Сначала говорили о 38-метровой квартире в Красном Селе, но смотровой лист мне не дали. Затем я была на приеме в жилищном комитете, где мне пообещали квартиру уже на Ленинском проспекте. Потом, уже в этом году, предложили двухкомнатную квартиру на улице Гладкова. Мы с мужем съездили, нам все понравилось. Мы согласились, но нас огорошили, сказав, что что-то перепутали и квартиры на Гладкова мне не положено. Мол, ошибка вышла. И дали смотровой лист уже на однокомнатную квартиру на Галицкой улице в Шушарах — Славянке. Мы съездили: 33-метровая однокомнатная квартира в отдаленном от города районе, где не развита социальная инфраструктура. Я отказалась, это было в апреле этого года. Ну нереально мне туда переехать! Я инвалид 1-й группы, нуждаюсь в помощи родственников. Они не смогут постоянно ездить ко мне в Славянку, да и квартира маленькая, — поясняет Тамара Яковлевна. — Была вот на встрече ветеранов, так все уже нормальные благоустроенные квартиры получили. Одна я почему-то осталась без жилья, и к Дню Победы ситуация не изменилась...

Подготовила Татьяна ТЮМЕНЕВА
Фото Марины КОРОЛЕВОЙ

Комментарий юриста Татьяны Смирновой
читайте на нашем сайте vpress.ru.